Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 2 (26).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 2 (26), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0+821.134.2
ББК 83.3(2=411.2)+83.3(4)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-29-52
https://elibrary.ru/MIWAJO

© 2024. Катерина Корбелла
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

«Дон Кихот» М. де Сервантеса в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»

© 2024. Caterina Corbella
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Cervantes' *Don Quixote* in Dostoevsky's Novel *The Idiot*

Информация об авторе: Катерина Корбелла, научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-5996-0127
E-mail: cate.corbella@gmail.com

Благодарности: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № 23-28-00258 «Роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского “Идиот”» (https://rscf.ru/project/23-28-00258/).

Аннотация: В статье исследуется значение романа М. де Сервантеса «Дон Кихот» для понимания авторского замысла романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Материальное присутствие книги «Дон Кихот» в тексте произведения предполагает, что читатель знаком

с романом Сервантеса и будет способен отследить все необходимые внутритекстовые связи, исходящие от этой детали, учитывая при проведении этих ассоциативных линий не только образ дон Кихота, но и весь текст романа Сервантеса, который Достоевский знал и высоко ценил. При рассмотрении в таком ракурсе отправной точкой для анализа становится фигура Аглаи Епанчиной, которая является не только поводом для включения книги «Дон Кихот» в сюжет «Идиота», но и её единственным толкователем в рамках романа. Однако толкование Аглаи ведет читателя по ложному пути, отождествляя Мышкина, дон Кихота и «бедного рыцаря» Пушкина под знаком «средневековой платонической любви». В статье продемонстрировано, что отсылки к роману Сервантеса указывают на то, что сама Аглая действует «по “Дон Кихоту”», понимая любовь как произвольный односторонний выбор плотского вместилища для придуманного идеала. Иная любовь определяет отношения князя Мышкина с Настасьей Филипповной, в образе которой проявляются совсем другие донкихотские черты. На более глубоком уровне подтекст романа Сервантеса структурирует образ главного героя, который призван найти свою полноту в процессе общения с другим (Рогожиным, Санчо Панса); показано, что образ осла, пробудившего князя в Базеле, укоренен также и в произведении Сервантеса. В «Заключении» предлагаются некоторые размышления о связи между особой структурой главного героя в обоих романах и намерениями Ф.М. Достоевского изобразить «положительно прекрасного человека».

Ключевые слова: Достоевский, «Идиот», книга в книге, «Дон Кихот», Аглая, Настасья Филипповна, Рогожин, князь Мышкин, осел.

Для цитирования: *Корбелла К.* «Дон Кихот» М. де Сервантеса в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 2 (26). С. 29–52. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-29-52

Information about the author: Caterina Corbella, Associate Researcher, Research Centre “Dostoevsky and World Culture,” A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-5996-0127
E-mail: cate.corbella@gmail.com

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00258 “The Role and the Image of Books in F.M. Dostoevsky’s Novel *The Idiot*” (https://rscf.ru/project/23-28-00258/).

Abstract: The article analyses the significance of Miguel de Cervantes’ *Don Quixote* for the understanding of the author’s intention in the novel *The Idiot*. The material presence of the book *Don Quixote* in Dostoevsky’s text assumes that the reader is familiar with Cervantes’ novel and will be able to trace all the necessary connections inside the text, taking into account not only the image of don Quixote, but also the whole novel, which Dostoevsky knew well and highly appreciated. From this perspective, the starting point for analysis is the figure of Aglaya Epanchina, who is both the reason for the inclusion of *Don Quixote* in the plot of *The Idiot* and its sole interpreter within the novel. However, Aglaya’s interpretation leads the reader down a false path, identifying Myshkin, don Quixote, and Pushkin’s “poor knight” as representative of “medieval platonic love.” The article demonstrates how the references to Cervantes’ novel indicate that Aglaya herself acts according to *Don Quixote*, understanding love as an arbitrary one-sided choice of a carnal receptacle for an invented ideal. Another kind of love defines Prince Myshkin’s relationship with Nastasya Filippovna, whose image displays quite different quixotic traits. On a deeper level, Cervantes’ *Don Quixote* concurs in structuring the image of the protagonist, who can discover himself as a whole only through the relation with the other (Rogozhin, Sancho Panza); it is illustrated how the image of the donkey that awakened the prince in Basel also has its roots in Cervantes’ work. The conclusion offers some reflections on the relation between the peculiar structure of the protagonist in both novels and Dostoevsky’s intentions to portray a “positively beautiful individual.”

Keywords: Dostoevsky, *The Idiot*, book in the book, *Don Quixote*, Aglaya, Rogozhin, Nastastya Filippovna, prince Myshkin, donkey.

For citation: Corbella, Caterina. “Cervantes’ *Don Quixote* in Dostoevsky’s Novel *The Idiot*.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (26), 2024, pp. 29–52. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-29-52

...para componer historias y libros, de cualquier suerte que sean, es menester un gran juicio y un maduro entendimiento. Decir gracias y escribir donaires es de grandes ingenios: la más discreta figura de la comedia es la del bobo, porque no lo ha de ser el que quiere dar a entender que es simple. La historia es como cosa sagrada, porque ha de ser verdadera, y donde está la verdad, está Dios, en cuanto a verdad...[1]

Значимость романа М. де Сервантеса «Дон Кихот» для понимания авторского замысла «Идиота» невозможно отрицать. Упоминание главного героя испанской классики появляется, как известно, в письме С.А. Ивановой при рассуждениях об образе «положительно прекрасного человека» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 251] и в подготовительных материалах [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 277; 239]; также, в самом романе читатель сталкивается не только с образом дон Кихота, но и с книгой Сервантеса непосредственно. Зачастую присутствие «Дон Кихота» в «Идиоте» рассматривалось в ключе компаративистики, исследователи обращали внимание прежде всего на пересечение образов князя Мышкина и дон Кихота[2]. Однако согласно теоретическим предпосылкам проекта «Роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского “Идиот”» (см.: [Касаткина, 2023а]), тот факт, что книга «Дон Кихот» входит в произведение Достоевского как предмет, вынуждает исследователя поставить вопрос о ее значении в другой плоскости, нежели, допустим, вопрос о значении романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба», чей главный герой также упоминается как в письме племяннице, так и в подготовительных материалах.

Дело не только и не столько в том, что образ Пиквика как попытка изобразить «прекрасного человека» видится Достоевскому менее удачным, чем дон Кихот: эти рассуждения все еще составляют часть ремесла писателя; знание о них для читателя не предусматривалось. Материальное присутствие романа «Дон Кихот» как худо-

1 «<...> для сочинения историй и книг, какого бы то ни было рода, нужны великая проницательность и зрелое понимание. Произносить остроумные шутки и писать с юмором — удел выдающихся дарований. Самая искусная фигура в пьесе — фигура шута, так как тот, кто желает казаться простаком, не должен им быть. История — священная вещь, потому что она должна быть истинна, а где истина, там и Бог, поскольку Он — истина <...>» [Cervantes, 2004, p. 572–573].

2 См.: [Степанян, 2013], [Багно, 2009, с. 89–97] и библиографию к этим работам. Исключение в этом ряду составляет С.И. Пискунова [Пискунова, 2007].

жественной детали в окончательном тексте Достоевского, с одной стороны, требует, чтобы читатель выстраивал все необходимые внутритекстовые связи, исходящие от детали; с другой, чтобы при проведении этой работы учитывался не только образ дон Кихота, со временем становившийся все больше стереотипным для читателя, но и весь текст романа Сервантеса, с которым Достоевский был хорошо знаком и который высоко ценил (вспомним, как в «Дневнике писателя» сказано, что «**на каждой странице**» этой книги можно найти описание «глубочайших сторон человеческой природы» [Достоевский, 1972–1990, т. 26, с. 25]).

Задача непростая. Чтение «Дон Кихота» оставляет после себя ощущение настоящей художественной глубины, которая возможна там, где нет лишних деталей и слов. К тому же роман Сервантеса широко использует интересующий нас прием «книг в книге»: для того, чтобы по-настоящему понять замысел автора, внимательный читатель отдает себе отчет в том, что ему придется ознакомиться со всеми книгами, которые перечисляются в шестой главе первой части, когда священник, друг дон Кихота, тщательно рассматривает библиотеку героя, каждый раз вынося приговор: сжигать или спасать произведение [Cervantes, 2004, p. 60–69]. Стоит также подчеркнуть, что Сервантес неоднократно предостерегает читателя от того искажения смысла, которое неизбежно влечет за собой чтение художественного произведения в переводе [Cervantes, 2004, p. 63–64; 131–132].

В предыдущей статье [Корбелла, 2023] я предположила, что Достоевский, хорошо понимающий, какими средствами достигается глубина в художественном произведении, мог обращаться к книге Сервантеса, используя разные элементы в сюжете «Дон Кихота», как и разные толкования действий главного героя, чтобы по-разному осветить действующих лиц своего произведения. В данной работе я постараюсь обосновать эту гипотезу на конкретных примерах.

Аглая

«Дон Кихот» входит в текст через Аглаю, и все его упоминания в романе связаны с ней. Именно она случайно натолкнулась на книгу Сервантеса и, «перебирая» ее, провела параллель между дон Кихотом и пушкинским «рыцарем бедным», а затем (через разные намёки) с князем. Таким образом, Аглая не только становится поводом для включения книги «Дон Кихот» в сюжете «Идиота», но и является её единственным толкователем в рамках романа. Эта

связь — первая подсказка Достоевского читателю. Однако, получив ее, есть риск не пойти вглубь. Если читатель не примет решения «потрудиться» над текстом[3], ему будет очень удобно пойти за Аглаей и просто отождествить образы дон Кихота, рыцаря бедного и князя Мышкина. Чтобы понять, почему такой путь — ложный, обратимся к сцене, где младшая Епанчина выступает как комментатор (в VI главе второй части). На даче у Лебедева после ухода Гани[4] речь пошла о «рыцаре бедном», и что «нет ничего лучше» него:

> — Я на собственном вашем восклицании основываюсь! — прокричал Коля. — Месяц назад **вы «Дон-Кихота» перебирали и воскликнули эти слова, что нет лучше «рыцаря бедного»**. Не знаю, про кого вы тогда говорили: про Дон-Кихота, или про Евгения Павлыча, или еще про одно лицо, но только про кого-то говорили, и разговор шел длинный... [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 205].

Заметим: перебирали «Дон Кихота», а воскликнули про «рыцаря бедного». Аглая вступает в разговор со словами о «глубочайшем уважении» к последнему, опять сближая его с героем Сервантеса:

> — Потому глубочайшее уважение, — продолжала так же серьезно и важно Аглая в ответ почти на злобный вопрос матери, — потому, что в стихах этих прямо **изображен человек, способный иметь идеал, во-вторых, раз поставив себе идеал, поверить ему, а поверив, слепо отдать ему всю свою жизнь**. Это не всегда в нашем веке случается. Там, в стихах этих, **не сказано, в чем, собственно, состоял идеал «рыцаря бедного»**, но видно, что это был какой-то светлый образ, «образ чистой красоты», и влюбленный рыцарь вместо шарфа даже четки себе повязал на шею. Правда, есть еще там **какой-то темный, недоговоренный девиз, буквы А. Н. Б.,** которые он начертал на щите своем...
>
> — А. Н. Д., — поправил Коля.

---

[3] По выражению самого Достоевского: [Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 303].

[4] Коля начинает дразнить Аглаю сразу после того, как она заметила изменение Гани к лучшему, — и генеральша сильно испугалась. Эта деталь интересна, учитывая, что Ганя на протяжении романа представлен как еще один потенциальный жених Аглаи. Здесь как будто намекается на возможное другое развитие их отношений, не основанное на расчёте и интригах.

> — А я говорю А. Н. Б., **и так хочу говорить**, — с досадой перебила Аглая, — как бы то ни было, а ясное дело, что этому «бедному рыцарю» **уже всё равно стало: кто бы ни была и что бы ни сделала его дама**. Довольно того, что он ее выбрал и поверил ее «чистой красоте», а затем уже преклонился пред нею навеки; в том-то и заслуга, что если б она потом **хоть воровкой была**, то он все-таки должен был ей верить и за ее чистую красоту копья ломать. Поэту хотелось, кажется, совокупить в один чрезвычайный образ всё огромное понятие **средневековой рыцарской платонической любви** какого-нибудь чистого и высокого рыцаря; разумеется, **всё это идеал**. В «рыцаре же бедном» это чувство дошло уже до последней степени, до аскетизма; надо признаться, что способность к такому чувству много обозначает и что такие чувства оставляют по себе черту глубокую и весьма, с одной стороны, похвальную, не говоря уже о Дон-Кихоте. **«Рыцарь бедный» — тот же Дон-Кихот**, но только серьезный, а не комический. Я сначала не понимала и смеялась, а теперь люблю «рыцаря бедного», а главное, уважаю его подвиги [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 207].

Согласно толкованию Аглаи, общий знаменатель рыцаря бедного и дон Кихота (а значит — Мышкина) заключается в идеале «средневековой рыцарской платонической любви». Главная характеристика такой любви (еще раз повторим: по мнению Аглаи) — не только произвольность выбора, но и последующая за ней **слепая** вера, которая не только не нуждается в подтверждении, идущем от реального положения вещей: что важнее и страшнее — такая вера допускает возможность, что это положение вещей может даже быть прямо противоположно ей: «<...> хоть воровкой была, то он все-таки должен был ей верить и за ее чистую красоту копья ломать».

Однако, если присмотреться, то можно увидеть, что в течение всего романа Аглая — усердный, но все-таки плохой толкователь, и доверять ей не стоит. Её главная ошибка — спешка — ведет к упрощению/искажению толкуемого объекта (см.: [Корбелла, 2023, с. 42–44]). Это можно заметить на примере её сопоставления «рыцаря бедного» и дон Кихота. В порыве уважения к первому Аглая полностью не замечает (или замалчивает?) утверждение Пушкина о смерти рыцаря «как безумца» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 209]. Дон Кихот, в свою очередь, умирает после причастия, в окружении друзей и в здравом уме: это огромное и значимое отличие, ко-

торое показывает, что истории этих двух рыцарей все-таки разные. Также Аглая изменяет девиз на щите, что не только содержит намек на Настасью Филипповну: этим поступком Аглая «обнуляет» одно из немногих оставшихся в поэме указаний на то, что дама бедного рыцаря — Богородица[5].

Симптоматичным представляется ответ Аглаи Коле после того, как он указывает ей, что в тексте Пушкина другой девиз: «А я говорю А. Н. Б., **и так хочу говорить**». Получается, что дело не только в поспешности: произвольное отношение к реальности, которое не видит нужды отчитываться перед ней, характеризует вовсе не рыцаря бедного, а прежде всего саму Аглаю, которая в этой сцене вольно переписывает стихи Пушкина, чтобы они лучше служили ее намерениям.

О том, как произвольность выбора определяет отношения Аглаи с Мышкиным, я уже говорила в предыдущей статье (см.: [Корбелла, 2023, с. 48–49]), приведя ее слова во время свидания на зеленой скамейке, когда она три раза повторяет, «я вас выбрала» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 356; 358]; тогда же я обратила внимание на то, что сам Мышкин заражен этим, ведь автор пишет про него (именно в связи с Аглаей, а не с Настасьей Филипповной), что «раз уверовав, он уже не мог поколебаться ничем» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 431]. Сейчас же я хочу обратить внимание на то, что их отношения как пример искаженной любви теснее связаны с «Дон Кихотом», чем кажется на первый взгляд. Ведь история влюбленности Аглаи почти буквально описана в «Дон Кихоте»:

> <…> одна красивая вдова, молодая, свободная, богатая и, главное, беззаботная, влюбилась в молодого, хорошо сложенного, пухлого и крепкого юношу; её старший сын узнал об этом и однажды сказал доброй вдове в порядке братского порицания: «Я дивлюсь, сударыня, и не без причины, что женщина столь знатная, столь красивая и столь богатая, как ваша светлость, влюбилась в человека столь грубого, столь низкого и такого **идиота**, как такой-то; в этом доме столько господ, столько поданных и столько богословов, среди

[5] «Действительно, из первоначального варианта при обработке исчезают религиозно-реалистическое “начало” — встреча с Богородицей, Ее явление рыцарю (оставляется лишь темный намек вне плоти и реальности первоначального текста, намек, который можно назвать “мутно-мистическим”) и столь же реалистический конец, отсылающий завершение сюжета “на Небеса” (вместо него появляется столь же “мистическое” указание на “безумие” перед концом, а вернее — на конец в безумии)» [Касаткина, 2004, с. 167].

> которых ваша светлость могла бы выбирать, как среди груш, и говорить: этого хочу, этого же не хочу». Но она ответила ему с большим изяществом и непринужденностью: «Вы очень обманываетесь и думаете старомодно, господин мой, если считаете, что я плохо выбрала такого-то, каким бы **идиотом** он ни казался; ведь для того, что я с ним хочу делать, он знает столько же и даже больше философии, чем Аристотель» [Cervantes, 2004, p. 243–244].

В испанском тексте слово «idiota» появляется два раза, как и в моем переводе[6]. В русских переводах не только отсутствует слово «идиот», но и сильно искажается последняя фраза, что приводит к потере мысли о том, что «идиот» даме «для чего-то» нужен, и «для этого» его умственные качества не требуются[7]. Однако, в французском переводе Луи Виардо, который вероятно читал Достоевский[8], сохраняются и слово «идиот» (хотя только во втором случае: «quelque **idiot** qu'il vous paraisse» [Cervantès, 1836]); и полное значение последней фразы: «car pour ce que j'ai à faire de lui, il sait autant et plus de philosophie qu'Aristote» [Cervantès, 1836] (буквально: «для того, что мне с ним нужно делать, он знает столько же и даже больше философии, чем Аристотель»).

Рассказ приводится в XXV главе первой части романа: Дон Кихот хочет оправдать перед Санчо свой выбор Альдонсы Лоренсо как Дульсинеи. Заметим ироническое послание Сервантеса, ведь нетрудно угадать зачем вдове нужен «молодой, хорошо сложенный, пухлый и крепкий юноша»: достаточно странно выглядит этот рассказ в устах девственного рыцаря, который только что утверждал, что его любовь к Дульсинее всегда была

---

[6] «Has de saber que una viuda hermosa, moza, libre y rica, y sobre todo desenfadada, se enamoró de un mozo motilón, rollizo y de buen tomo; alcanzólo a saber su mayor, y un día dijo a la buena viuda, por vía de fraternal reprehensión: "Maravillado estoy, señora, y no sin mucha causa, de que una mujer tan principal, tan hermosa y tan rica como vuestra merced se haya enamorado de un hombre tan soez, tan bajo y tan **idiota** como fulano, habiendo en esta casa tantos maestros, tantos presentados y tantos teólogos, en quien vuestra merced pudiera escoger como entre peras, y decir: Este quiero, aqueste no quiero". Mas ella le respondió con mucho donaire y desenvoltura: "Vuestra merced, señor mío, está muy engañado y piensa muy a lo antiguo, si piensa que yo he escogido mal en fulano por **idiota** que le parece; pues para lo que yo le quiero, tanta filosofía sabe y más que Aristóteles"» [Cervantes, 2004, p. 243–244].

[7] См. [Сервантес, 1838]; [Сервантес, 1873]; [Сервантес, 1907]; [Сервантес, 1961].

[8] См.: [Библиотека, 2005, с. 214]; [Степанян, 2013, с. 87].

лишь платонической[9]. Не претендуя здесь на толкование замысла самого Сервантеса, предполагаю, что Достоевский в этом отрывке мог узнать близкий ему прием: исключительно плотская любовь отсылает ко всякой любви, которая использует другого в собственных целях (как Аглая — Мышкина), тем самым искажая его истинный образ.

Тот факт, что Достоевский мог иметь в виду эту историю при формировании образа Аглаи и мог рассчитывать на ее узнавание со стороны «потрудившегося» читателя подтверждается тем, что сразу после рассказа дон Кихот пишет бестолковое письмо Дульсинее, которое отправляет через Санчо (см.: [Cervantes, 2004, p. 245]). Это напоминает о «бестолковой записке» Мышкина, переданной Аглае через Колю Иволгина, тем более, что именно эта записка хранится в «толстой, переплетенной в крепкий корешок книге», которая впоследствии окажется томом «Дон-Кихота Ламанчского» (см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 157]).

Связь между этими двумя отрывками выглядит еще теснее, если обратить внимание на слова Мышкина: «Сколько раз вы все три бывали мне очень нужны, но из всех трех я видел одну только вас» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 157]. Образ «трех женщин» повторяется часто в западной культуре, и в случае «Идиота» прежде всего отсылает к трем грациям, с которыми с самого начала романа ассоциируются сестры Епанчины[10]. Однако эта деталь может также являться отсылкой к встрече дон Кихота с Дульсиней (которая на самом деле не Дульсинея) в сопровождении двух девушек в X главе второй части романа. Эта встреча тесно связана с упомянутой сценой с письмом. Ведь письмо дон Кихота, на самом деле, никогда не дошло до Альдонсы, что Санчо удачно скрывает от своего господина, придумав подробный рассказ о том, как встретил Дульсинею и передал сообщение. Однако в начале своего третьего отъезда дон Кихот, проходя мимо Эль-Тобосо, просит Санчо отвести его к дому возлюбленной, чтобы увидеть ее — и Санчо приходится встретиться с последствиями своей лжи. Оруженосец решает проблему, уверенно представляя первую встречную на дороге крестьянку как Дульсинею. На возражения рыцаря, который всеми чувствами (см.: [Cervantes, 2004, p. 622]) понимает, что перед ним кто-то другой, нежели Дуль-

[9] «<…> mis amores y los suyos han sido siempre platónicos, sin estenderse a más queв a un honesto mirar» [Cervantes, 2004, p. 242].

[10] См. подробнее: [Достоевский, 2004, с. 654–655]; [Kasatkina, 2012, p. 73–76].

синея, Санчо отвечает, что наверняка восприятие дон Кихота есть обман волшебников, ненавидящих его.

Исследователи Достоевского заметят, как здесь «ложь ложью спасается» [Достоевский, 1972–1990, т. 26, с. 24–27], однако, в отличие от того, о чем пишет Достоевский в «Дневнике писателя», Санчо действует вполне осознанно. Упоминание этого текста поднимает, разумеется, отдельную тему исследования. В связи с данной работой подчеркну, что при встрече с Дульсинеей дон Кихоту важно, чтобы реальность не противоречила идеалу — хотя в конце концов он сдается перед ложью Санчо. Часто в романе дон Кихот сопротивляется придуманным историям, которые другие хотят ему навязать, думая, что он будет без вопросов соглашаться со всем[11]. Достоевский хорошо описал эту странную характеристику героя Сервантеса словами: «Фантастический человек *затосковал о реализме!*» [Достоевский, 1972–1990, т. 26, с. 26]. И она свидетельствует о том, что Аглая толкует ошибочно не только действие Мышкина, но и историю «Дон Кихота», ведь хотя он и утверждал, что неважно, кем на самом деле была Дульсинея, в процессе чтения мы замечаем, что странствующему рыцарю на самом деле не все равно, каково положение вещей, наоборот: сила идеала в том, что он — истинен и можно проследить его присутствие внутри реальных явлений.

Настасья Филипповна

В основе отношений Мышкина с Настасьей Филипповной лежит не произвольный односторонний выбор плотского вместилища для придуманного идеала, а *взаимное* узнавание давно увиденного идеала во плоти другого. Достоевский хорошо это описывает в сцене их первой встречи в доме у Гани (см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 89–90]). Однако подлинность идеала в романе сталкивается с «фантастичностью» его воплощения, и это порождает меланхолию, знакомую многим читателям как «Дон Кихота», так и «Идиота». Тема идеала в романе Достоевского определяет образ не только Мышкина, но и Настасьи Филипповны[12]. Автор пишет о ней:

> Была ли она женщина, **прочитавшая много поэм**, как предположил Евгений Павлович, или просто была сумасшедшая, как

[11] См., например, XXX главу первой части.

[12] Р. Гуардини по этому поводу отметил, что «она существует под знаком совершенного» [Гвардини, 2009, с. 207].

> уверен был князь, во всяком случае эта женщина, — иногда с такими циническими и дерзкими приемами, — на самом деле была гораздо стыдливее, нежнее и доверчивее, чем бы можно было о ней заключить. Правда, в ней было много **книжного**, мечтательного, затворившегося в себе и фантастического, но зато сильного и глубокого... [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 473].

Эти слова почти буквально перекликаются с суждениями Достоевского в «Дневнике писателя» о величии «сочинения» Сервантеса (см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 92]; [Достоевский, 1972–1990, т. 26, с. 25]), и действительно, проблема неоднозначного толкования действий дон Кихота, слишком начитавшегося романов и соединяющего в себе сумасшествие и силу (и часто пользующегося если не циническими, то точно «дерзкими приемами») — ключевая в произведении Сервантеса. Использование тех же прилагательных в «Дневнике писателя» может быть простым совпадением, однако, вряд ли такое описание характера и нрава Настасьи Филипповны у Достоевского случайно, учитывая не только двойную отсылку к чрезмерному чтению, но также странное уточнение: «прочитавшая много **поэм**» (а не «книг», или «романов»). Эти слова становятся понятнее, если их воспринять как отсылку к «Дон Кихоту», где ключевую роль играют рыцарские «романы», которые в ряде случаев также названы «поэмами».

Еще один элемент в «Дон Кихоте» мог бы внести вклад в образ Настасьи Филипповны. Один из первых вставных рассказов, включенных Сервантесом в роман, повествует о красавице Марселе, которая бродит по лесам, переодевшись в пастушку, чтобы избежать своих поклонников (главы XII–XIV первой части). Ее история в чем-то схожа с историей Настасьи Филипповны: обе — девушки необыкновенной красоты, обе — сироты, обе — объекты вожделения мужчин, которые не приемлют их свободного выбора не выходить замуж как варианта развития женской судьбы. Дон Кихот узнает об истории Марселы в тот день, когда хоронят Хризостомо, совершившего самоубийство из-за ее отказа. Во время похорон появляется сама Марсела, которую люди, хотя и не могут отрицать ее чести, все-таки обзывают, наделяя такими эпитетами, как «endiablada» («бесноватая»), «cruel» («жестокая»), и даже «la pastora homicida» («пастушка-убийца») (см.: [Cervantes, 2004, p. 109–119]). Она произносит длинную речь, в которой защищается от нападок, подчерки-

вая, что ее красота не делает ее виноватой в смерти Хризостомо. Тот факт, что ее любят, не обязывает ее любить в ответ. Она никогда не давала надежд никому, наоборот, она удалилась в лес, чтобы скрыть свою красоту от людей и жить свободно: Хризостомо погиб от своего нетерпения и дерзкого желания.

После слов Марселы, утвердившей свою свободу и невиновность, все останавливаются, пораженные ее красотой и истиной ее слов. Но, как только она удаляется обратно в лес, некоторые из присутствующих отправляются ей вослед. Получается, все увидели в ней идеал, всех поразили ее рассуждения о любви и свободе, однако, не все были способны остаться верными тому, что увидели: они опять опустились до любви, которая хочет лишь обладать другим. Видя это, дон Кихот вступается за Марселу и ищет ее, чтобы предложить ей свои рыцарские услуги — как Мышкин на дне рождения Настасьей Филипповны.

Рассказ, несомненно, близок Достоевскому, который не только в истории Настасьи Филипповны, но и в судьбах многих своих героинь часто возвращался к вопросам о том, что такое красота, об отношениях женщин и мужчин, об общепринятой якобы виновности первых в разврате других[13]. Однако сближение этих двух фигур могло бы быть лишь произвольной ассоциацией исследователя, если бы не одна почти незаметная деталь. О Марселе сказано:

> <...> она так рьяно и неусыпно следит за своею честью, что из всех, которые ухаживают за ней <...> **ни один не хвалился, да и не мог бы** <...> **хвалиться** тем, будто она подала ему малейшую надежду добиться цели своих желаний [Сервантес, 1907].

Фраза присутствует и в переводе Л. Виардо: «aucun n’a pu ni ne pourra **se flatter**» [Cervantès, 1836]. Про Настасью Филипповну читаем:

> Кончилось тем, что про Настасью Филипповну установилась **странная слава**: о красоте ее знали все, но и только; **никто не мог ничем похвалиться**, никто не мог ничего рассказать [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 39].

[13] Об этих мотивах в «Идиоте» см.: [Магарил-Ильяева, 2023]; [Магарил-Ильяева, 2024].

Может, это случайное совпадение, но слова Достоевского о «**странной** славе» заставляют задуматься о том, не скрывается ли за ними чего-то важного. Если допустить, что Достоевский при создании образа Настасьи Филипповны видел одним из ее прообразов Марселу, то можно также предположить, что и отношения Мышкина и Настасьи Филипповны не лишены «донкихотских» отсылок. Однако они строятся на других основаниях, нежели с Аглаей[14]. Речь идет об узнавании воплощенного идеала (Марсела), а не о своевольном выборе «вместилища» для него (Дульсинея).

Мышкин, Рогожин и осел: о воплощении идеала

Таким образом, кроме толкования Аглаи, которое ведет читателя по ложному пути, мы, во-первых, увидели, как материальное присутствие книги «Дон Кихот» и ряд других деталей связывают роман Сервантеса преимущественно с образом самой Аглаи; во-вторых, как более скрытый намек связывает с дон Кихотом Настасью Филипповну, «сумасшедшую», «фантастическую» женщину, «прочитавшую много поэм». И та, и другая линия в некоторой степени говорят нам и о князе Мышкине, по-разному освещая его отношения с главными героинями. Однако, близость русского князя и испанского рыцаря на этом не заканчивается, она идет глубже и касается той особой структуры, которая характеризует образ главного героя в обоих романах. В этих произведениях, можно сказать, главному герою дается задача, которая связана с поиском путей для воплощения идеала. Эта задача, в частности, художественно выражается тем, что в этих романах «целый» герой, то есть, «целый» человек получается из двух: у Достоевского — из Мышкина и Рогожина, у Сервантеса — из Санчо Пансы и дон Кихота.

О первых двух подробно написала Т.А. Касаткина; в том числе, комментируя их описание на первой странице романа, она заметила, что «принцип распределения черт и качеств здесь — не противопоставление, а компенсаторность» [Касаткина, 2023b, с. 367]. В случае «Дон Кихота» герои буквально описываются Сервантесом как одно тело: первый голова, а второй — часть его, что повторяется в тексте неоднократно. Приведу только два примера (в первом случае говорит дон Кихот; во втором — Санчо):

---

[14] С.И. Пискунова также замечает «донкихотовские» черты этих героинь, однако в обоих случаях она пишет об их «ослепленности своими фантазиями» [Пискунова, 2007], не видя в них никакой разницы.

<...> когда болит голова, страдают и все члены тела; итак, будучи твоим господином и повелителем, я — **голова**, а ты — **часть меня**, потому что ты мой **слуга**[15], и по этой причине всякую боль, которую я чувствую или буду чувствовать, должен чувствовать и ты, равно как и я чувствую твою боль [Сервантес, 1907].

Клянусь честью, сеньор, данный мне Богом разум говорит мне, что, должно быть, и меня так же преследуют волшебники, как **творение и принадлежность**[16] вашей милости [Сервантес, 1907].

Оставляю в стороне очевидные отсылки Сервантеса к ап. Павлу и отношениям Христа и церкви, чтобы сосредоточиваться на следующем: хотя отношения дон Кихота и Санчо Пансы по-разному истолковывались[17], повторяющаяся метафора тела показывает, что здесь также, как и в «Идиоте», речь идет скорее о компенсаторности, чем о противопоставлении. Полнота человеческого существования (образно — полнота тела) достигается лишь соединением героев.

Это заключение подтверждается тем, что в романе Сервантеса общение между героями приводит обоих к более полному человеческому существованию, запускает процесс взаимного преображения. В следующем диалоге влияние героев друг на друга выражается через стилистическое изменение их речи (для его понимания важно знать, что Санчо во всем романе чрезмерно прибегает к пословицам — в чем дон Кихот постоянно его упрекает):

— Никогда я не слышал, Санчо, — сказал Дон Кихот, — чтобы ты говорил так изящно, как теперь, из чего я познаю, насколько истинна пословица, которую ты иногда приводишь: «Не с тем, с кем родился, а с тем, с кем кормился».

— Ага, сеньор господин наш, — возразил Санчо, — не я теперь тот, кто нанизывает пословицы, потому что и из уст вашей милости они также сыплются, да и попарно, лучше, чем из моих; только, должно быть, между моими и вашими пословицами та разница, что пословицы вашей милости приходятся кстати, а мои не вовремя; но на самом деле все они пословицы [Сервантес, 1907].

---

15 На испанском: «criado» [Cervantes, 2004, p. 563], от глагола «criar», *породить*.

16 На испанском: «hechura y miembro» [Cervantes, 2004, p. 670].

17 См.: [Степанян, 2013, с. 114–115].

Замечу, что тема изменения слога у Санчо Пансы под влиянием дон Кихота повторяется и в других местах в тексте, что можно сопоставить с указаниями Достоевского на попытки Мышкина и особенно Настасьи Филипповны «образовать» Рогожина[18]. Таким образом, воплощение идеала, вопрос о возможности которого ставится в обоих произведениях, достигается (хотя бы частично) в динамичном общении между героями.

В связи с тем же вопросом о воплощении (буквально: об идеале, обретшем плоть) еще одна деталь в образе Мышкина отсылает к дон Кихоту. Ведь особую роль в «Дон Кихоте» играют все животные для верховой езды: лощади, ослы, мулы и прочие. Эта тема очевидно важна в замысле Сервантеса, и потому, она очень сложная, но можно с уверенностью сказать, что, согласно традиционной символике, все эти образы так или иначе указывают на телесность человека[19]. В частности, Санчо («член» тела, где дон Кихот — «голова») во время романа постоянно связан с ослами. Бережное отношение оруженосца к своему ослу подчеркивается в тексте неоднократно, даже в большей степени, чем отношение дон Кихота к Росинанту. Это отношение часто доходит почти до отождествления, и Санчо прямо говорит о себе: «yo soy un asno», «Я — осел» [Cervantes, 2004, p. 244].

Примеров здесь много, но стоит рассматривать особо интересный разговор между главными героями. Дон Кихот только что рассердился, что Санчо солгал при разговоре о своем жалованье:

> — <...> О хлеб, плохо отплаченный! О обещания, дурно помещенные! **О создание, более похожее на животное, чем на человека!** Теперь, когда я думал дать тебе положение, и такое, чтобы тебя наперекор твоей жене называли «сеньория», ты бросаешь меня? Теперь ты уходишь, когда я пришел к твердому и властному решению сделать тебя обладателем лучшего острова в мире? Словом, **как ты сам говорил не раз, — мед не для осла** и т.д. **Осел ты есть, ослом ты будешь, и ослом останешься до конца своей жизни**, так как я про себя думаю, что последний твой час настанет раньше, чем ты увидишь и поймешь, что **ты животное**.
>
> Санчо смотрел на Дон Кихота, не спуская с него глаз все время, пока тот осыпал его этими упреками, и почувствовал такое раская-

[18] См.: [Корбелла, 2023, с. 38–42].

[19] См.: [Касаткина, 2004, с. 334–338].

> ние, что слезы выступили у него на глазах, и он слабым и печальным голосом сказал:
>
> — Сеньор мой, признаю, что для того, чтобы быть вполне ослом, мне недостает лишь одного — хвоста. Если вашей милости угодно привесить его мне, я сочту, что он тут у места, и **буду служить вам за осла во все дни моей остальной жизни**. Простите мне, милость ваша, сжальтесь над моим неразумием и примите во внимание, что знаю я мало, и если говорю много, это происходит скорей от слабости, а не от злобы. Но кто грешит и исправляется, на милость Божью полагается [Сервантес, 1907].

Не только осел, но и его крик очевидно присутствуют в тексте Сервантеса как концепты, то есть как повторяющиеся детали, которые формируют глубинный смысловой пласт романа — например, подробно рассказывается история села, жителей которого дразнят тем, что они умеют превосходно реветь, как ослы (глава XXV–XXVII второй части). Появление тех же концептов в «Идиоте»[20] полностью независимо от романа Сервантеса кажется маловероятным. Особо важна для нашей темы LV глава второй части романа, когда Санчо, после опыта правления на острове Баратарии, падает в каверну вместе со своим ослом. Этот своеобразный спуск в подземелье повторяет спуск дон Кихота в пещере Монтесиноса (гл. XXII–XXIII второй части), указывая одновременно на единство героев и на изменение, которое они оба претерпевают по ходу действия романа. Пока Санчо в каверне, он слышит голос проходящего мима дон Кихота. Происходит следующий диалог:

> — Я Дон Кихот, — ответил Дон Кихот, — тот, который считает своим призванием помогать и поддерживать в их нуждах живых и мертвых. Поэтому скажи мне, кто ты, возбудивший во мне изумление, потому что, **если ты мой оруженосец Санчо Панса и умер** — и так как дьяволы не унесли тебя в ад и ты благодаря милосердию Божьему находишься в чистилище, — наша святая мать римско-католическая церковь обладает достаточными вспомогательными средствами, чтобы избавить тебя от мук, которые ты претерпеваешь, и я, со своей стороны, буду ходатайствовать вместе с нею, насколько у меня хватит имущества. Поэтому откройся мне вполне и скажи, кто ты.

20 Об «осле» в «Идиоте» см. также: [Подосокорский, 2024].

> — Клянусь тем и этим, — ответили ему, — клянусь рождением всякого, кого бы ни было угодно указать вашей милости, сеньор Дон Кихот Ламанчский, что **я оруженосец ваш Санчо Панса и что я во всю свою жизнь еще не умирал**[21]; но, покинув мое губернаторство по обстоятельствам и причинам, рассказывать о которых требуется побольше времени, я сегодня ночью упал в это подземелье, где и нахожусь, и со мною Серый, который не даст мне солгать, — **для свидетельствования о чем он здесь со мною**.
>
> И, казалось, осел как будто понял сказанное Санчо, потому что в ту же минуту он начал так рьяно реветь, что рев его раздавался эхом по всей пещере.
>
> — **Превосходный свидетель**, — сказал Дон Кихот, — я узнаю этот рев, **точно я родил его** и слышу также и твой голос, добрый мой Санчо [Сервантес, 1907].

Таким образом в «Дон Кихоте» рождение Санчо к новой жизни[22] отмечено криком осла. В «Идиоте», как мы помним, именно крик осла «разбудил» Мышкина в Базеле. Татьяна Касаткина написала о том, как эта деталь указывает на свершившуюся «встречу неба с землею» [Касаткина, 2023b, с. 333], показывая, как тот же образ обыгрывается на католических картинах Рождества, хорошо знакомых Достоевскому. В них осел своим криком свидетельствует о воплощении Христа (см.: [Касаткина, 2023b, с. 333–334]). Слова «famoso testigo» [Cervantes, 2004, p. 972] («славный, знаменательный свидетель») позволяют увидеть общую традицию, к которой принадлежат картины средневековых художников и роман Сервантеса.

Стоит уточнить, что в процитированном русском переводе М. Ватсона читаем: «для свидетельствования о чем он здесь со мною» [Сервантес, 1907]: слова, якобы подтверждающие наши заключения. На самом деле в оригинале Сервантес пишет: «por más señas» («как очередное доказательство») [Cervantes, 2004, с. 972]; в переводе Виардо: «à telles enseignes qu’il est encore à mes côtés» («доказательство тому — то, что он до сих пор находится рядом со мной») [Cervantès, 1836]. Однако эти слова не уводят нас от прове-

---

[21] На испанском: «nunca me he muerto en todos los días de mi vida» [Cervantes, 2004, p. 972]. У Виардо: «que je ne suis jamais mort en tous les jours de ma vie» [Cervantès, 1836].

[22] Тот факт, что здесь речь идет о новом рождении четко сказано в тексте: «como si le pariera», «точно я породил» [Cervantes, 2004, p. 972]. Интересный перевод у Л. Виардо: «comme si j’en étais le père», «как будто я отец» [Cervantès, 1836].

денного анализа, наоборот: присутствие осла приводится как знак того, что Санчо — действительно живой, он — не душа, страдающая в Чистилище, а присутствует в подземелье со своим телом, то есть — как «целый» человек.

Заключение

Особенность «Дон Кихота» и «Идиота» в том, что в них авторы больше, чем обычно, оставляют читателю свободу для суждения о рассказанном. Сервантес об этом заявляет в самом начале произведения, когда пишет: «<...> puedes decir de la historia todo aquello que te pareciere» («Ты можешь сказать об этой истории все, что вздумается») [Cervantes, 2004, p. 7]. Тема толкования действий дон Кихота поднимается, в частности, в начале второй части произведения. Санчо Панса так отвечает на вопрос своего господина о том, что думают люди о нем:

> Простонародье считает вашу милость за величайшего безумца и меня — не за меньшего простака. Идальго говорят, что милость ваша, не ограничившись пределами идальгии, присвоила себе титул дон и перескочила в кабальеро <...>. А кабальеросы говорят, что не желают, чтобы идальго вступали в соревнование с ними <...>. Что же касается доблести, учтивости, подвигов и предприятий вашей милости, мнения расходятся: одни говорят: «Сумасшедший, но забавный»; другие — «Храбрый, но неудачливый»; третьи — «Учтивый, но дерзкий»; и здесь столько болтовни о разных вещах, что ни у вашей милости, ни у меня они не оставили живой косточки [Сервантес, 1907].

Вопрос рыцаря-учителя и ответ оруженосца-ученика имитируют диалог Иисуса с учениками — «за кого люди почитают Меня?» (Мф. 16:13–28). Этот вопрос обращен и к читателям, которые, как и действующие лица романа, призваны определить свою отношение к необыкновенному главному герою произведения. То же самое происходит в «Идиоте», о чем подробно писал католический богослов Р. Гуардини, связывая эту особенность романа с намерениями Достоевского представить читателю посредством Мышкина «символ Христа»[23]. И действительно, про дон Кихота и Мышкина, как и про

[23] См.: [Гвардини, 2009, с. 194–228]; см. также: [Корбелла, 2022].

Христа, написано много, в том числе — совсем противоположные суждения.

При этом Сервантес уверен, что в самом тексте произведения содержится все необходимое для его понимания. В романе этот тезис передается читателю вывернутым наизнанку, через любопытную историю о художнике, который так плохо рисовал, что ему было необходимо каждый раз комментариями разъяснить всем (и себе тоже) сюжет картины [Cervantes, 2004, p. 571; 1087–1088]. Достоевский также был убежден в том, что если художник хорошо и честно работал, то его мысль будет доступна читателю (см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 80]), который, однако, в свою очередь призван «потрудиться» над текстом: не пропускать детали, оставленные автором и понять, почему они там находятся, как они связаны между собой. В данной статье мы старались так потрудиться. Проведенный анализ показал, что присутствие «Дон Кихота» в «Идиоте» многоплановое; также мы заметили, что Мышкин остается центром всех вышеуказанных связей, однако глубину романа невозможно уловить, если не учитывать специфические образы каждого героя.

Описанное преломление образа дон Кихота в разных действующих лицах книги «Идиот» выглядит особо значимо в свете высказывания Достоевского о том, что в романе «целое» «выходит в виде героя», но одновременно «кроме героя есть и героиня, а стало быть, ДВА ГЕРОЯ!! И кроме этих героев есть еще два характера — совершенно главных, то есть почти героев» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 241]. Особая структура героев в обоих романах освящает под интересным углом также намерения Ф.М. Достоевского изобразить «положительно прекрасного человека». Этот прекрасный человек, чьей окончательный образ — Христос, у Достоевского и Сервантеса получается лишь из собирания разных лиц, хотя одному из них (Мышкину, Кихоту) дается возможность стать пророком идеала, явить его будто без покрова, оставаясь при этом смешным и/или наивным (см.: [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 239]), поскольку ему *отдельно взятому* все равно не хватает полноты, чего-то все еще недостает.

Но здесь мы уже вышли из рамок данной статьи: таинственное пересечение образов дон Кихота и Мышкина с образом Христа как воплощенного идеала, о котором Достоевский пишет в письме племяннице, находится у самых корней «Идиота» и открывает все новые вопросы.

Список литературы

1. Багно, 2009 – *Багно В.Е.* «Дон Кихот» в России и русское донкихотство. СПб.: Наука, 2009. 228 с.

2. Библиотека, 2005 – Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / ред. Н.Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2005. 338 с.

3. Гвардини, 2009 – *Гвардини Р.* Человек и вера: Исследование религиозной экзистенции в больших романах Достоевского // Эон. Альманах старой и новой культуры. 2009. Т. 9. С. 8–324.

4. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

5. Достоевский, 2004 – Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 9 т. / подгот. текстов, сост., прим., вступит. статья, коммент. Т.А. Касаткиной. М.: Астрель-АСТ, 2004. Т. 4. 761 с.

6. Касаткина, 2004 – *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.

7. Касаткина, 2023a – *Касаткина Т.А.* «Откровение Иоанна Богослова» в романе Достоевского «Идиот»: Жена-город // Новый мир. 2023. № 9. С. 179–190. URL: http://new.nm1925.ru/articles/2023/09-2023/otkrovenie-ioanna-bogoslova-v-romane-dostoevskogo-idiot-zhena-gorod/ (дата обращения: 12.03. 2024).

8. Касаткина, 2023b – *Касаткина Т.А.* «Мы будем – лица...» Аналитико-синтетическое чтение произведений Достоевского / отв. ред. Т.Г. Магарил-Ильяева. М.: ИМЛИ РАН, 2023. 432 с.

9. Корбелла, 2022 – *Корбелла К.* «Идиот» Ф.М. Достоевского в прочтении католических богословов // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 175–184. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-175-184

10. Корбелла, 2023 – *Корбелла К.* Концепт «книга» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 4 (24). С. 30–54. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-30-54

11. Магарил-Ильяева, 2023 – *Магарил-Ильяева Т.Г.* «Дама с камелиями» и «Мадам Бовари» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 4 (24). С. 55–92. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-55-92

12. Магарил-Ильяева, 2024 – *Магарил-Ильяева Т.Г.* Флобер у Достоевского: роль и образ “Madame Bovary” в «Идиоте» // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 2. С. 256–277. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-2-256-277

13. Пискунова, 2007 – *Пискунова С.И.* «...Кроме нас вчетвером». Роман «Идиот» в зеркале «Дон Кихота Ламанчского» // Вопросы литературы. 2007. № 1. С. 165–189.

14. Подосокорский, 2024 – *Подосокорский Н.Н.* «Басни» И.А. Крылова в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 2. С. 238–255. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-2-238-255

15. Сервантес, 1838 – *Сервантес С.М.* Дон Кихот Ламанчский. Сочинение Мигеля Сервантеса Саведры / пер. с исп. К. Масальским. СПб., 1838. Т. 1. URL: http://az.lib.ru/s/serwantessaawedra_m_d/text_1858_don-qishot-1-oldorfo.shtml (дата обращения: 12.03.2024).

16. Сервантес, 1873 — *Сервантес С.М.* Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Сочиненіе Мигуэля Сервантеса Сааведры: въ двухъ частяхъ / пер. с исп. В. Карелина; 2-е изд. СПб.: Изд. Н.А. Шигина. 1873. URL: http://az.lib.ru/s/serwantessaawedra_m_d/text_0050-oldorfo.shtml (дата обращения: 12.03.2024).

17. Сервантес, 1907 — *Сервантес С.М. де.* Остроумно-изобретательный идальго Дон Кихот Ламанчский: в 2 т. / полн. пер. с исп. М.В. Ватсон. СПб.: Ф.Ф. Павленков, 1907. URL: http://az.lib.ru/s/serwantessaawedra_m_d/text_1907_don_quijote-1.shtml (Т. 1); http://az.lib.ru/s/serwantessaawedra_m_d/text_1907_don_quijote-2.shtml (Т. 2). (дата обращения: 12.03.2024).

18. Сервантес, 1961 — *Сервантес С.М. де.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Правда, 1961. Т. 1: Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Ч. 1. / пер. Н.М. Любимова. 600 с.

19. Степанян, 2013 — *Степанян К.А.* Достоевский и Сервантес: Диалог в большом времени. М.: Языки славянской культуры, 2013. 363 с.

20. Cervantès, 1836 — *Cervantès Saveedra M. de.* L'ingénieux hidalgo don Quichotte de la Manche, par Miguel de Cervantès Saavedra / traduit et annoté par Louis Viardot, vignettes de Tony Johannot. Paris: J.-J. Dubochet, 1836–1837. T. 1–2. URL: https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb319212337 (дата обращения: 12.03.2024)

21. Cervantes, 2004 — *Cervantes M. de.* Don Quijote de la Mancha. Madrid: Real Academia Española Asociación de Academias de la Lengua Española, 2004. 1060 p.

22. Kasatkina, 2012 — *Kasatkina T.* È Cristo che vive in te. Dostoevskij. L'immagine del mondo e dell'uomo: l'icona e il quadro. Castel Bolognese: Itaca, 2012. 112 p.

References

1. Bagno, V.E. *"Don Kikhot" v Rossii i russkoe donkikhotstvo* [*Don Quixote in Russia and Russian Quixotism*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 228 p. (In Russ.)

2. *Biblioteka F.M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [*Fyodor Dostoevsky's Library: An Attempt of Reconstruction. Scientific Description*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)

3. Guardini, Romano. "Chelovek i vera: Issledovanie religioznoi ekzistentsii v bol'shikh romanakh Dostoevskogo" ["Man and Faith: A Research of Religious Existence in Dostoevsky's Great Novels"]. *Eon. Almanakh staroi i novoi kul'tury*, vol. 9, 2009, pp. 8–324. (In Russ.)

4. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

5. Dostoevskii, F.M. *Sobranie sochinenii: v 9 tomakh* [*Collected Works: in 9 vols*], vol. 4. Text preparation, comp., notes, introductory article, comm. by T.A. Kasatkina. Moscow, Astrel'-AST Publ., 2004. 761 p. (In Russ.)

6. Kasatkina, T.A. *O tvoriashchei prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F.M. Dostoevskogo kak osnova "realizma v vyschem smysle"* [*On the Poietic Nature the Word. The Ontology of the Word in the Work of F.M. Dostoevsky as the Fundament of "Realism in a Higher Sense"*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)

7. Kasatkina, T.A. "'Otkrovenie Ioanna Bogoslova' v romane Dostoevskogo 'Idiot': Zhena-gorod" ["St. John's *Book of Revelation* in Dostoevsky's Novel *The Idiot*: The Woman-City"]. *Novyi*

mir, no. 9, 2023, pp. 179–190. Available at: http://new.nm1925.ru/articles/2023/09-2023/otkrovenie-ioanna-bogoslova-v-romane-dostoevskogo-idiot-zhena-gorod/ (Accessed 12 Mar. 2024) (In Russ.)

8. Kasatkina, T.A. *"My budem — litsa..." Analitiko-sinteticheskoe chtenie proizvedenii Dostoevskogo* [*"We Will Be Faces/Persons..." An Analytical-Synthetic Reading of Dostoevsky's Works*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2023. 432 p. (In Russ.)

9. Corbella, Caterina. "'Idiot' F.M. Dostoevskogo v prochtenii katolicheskikh bogoslovov" ["Dostoevsky's *The Idiot* in the Interpretation of Catholic Theologians"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo unversiteta*, vol. 28, no. 22, 2022, pp. 175–184 (In Russ.) https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-175-184

10. Corbella, Caterina. "Kontsept 'kniga' v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["The Concept of 'Book' in Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (24), 2023, pp. 30–54. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-30-54

11. Magaril-Il'iaeva, T.G. "'Dama s kameliiami' i 'Madam Bovari' v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["*The Lady of the Camellias* and *Madame Bovary* in Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (24), 2023, pp. 55–92. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-55-92

12. Magaril-Il'iaeva, T.G. "Flober u Dostoevskogo: rol' i obraz 'Madame Bovary' v 'Idiote'" ["Flaubert in Dostoevsky's Work: The Role and Image of *Madame Bovary* in the Novel *The Idiot*"]. *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 2, 2024, pp. 256–277. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-2-256-277

13. Piskunova, S.I. "'...Krome nas vchetverom'. Roman 'Idiot' v zerkale 'Don Kikhota Lamanchskogo'" ["'... Except for the four of us.' The Novel *The Idiot* through the Prism of *Don Quixote*"]. *Voprosy literatury*, no. 1, 2007, pp. 165–189. (In Russ.)

14. Podosokorskii, N.N. "'Basni' I.A. Krylova v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["I.A. Krylov's Fables' in F.M. Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 2, 2024, pp. 238–255. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-2-238-255

15. Cervantes, Miguel de. *Don Kikhot Lamanchskii. Sochinenie Migelia Servantesa Savedry* [*Don Quixote of La Mancha. A Book by Miguel Cervantes Saavedra*], vol. 1. Trans. from Spanish by Konstantin Masal'sky. St. Petersburg, 1838. Available at: http://az.lib.ru/s/serwantessaawedra_m_d/text_1858_don-qishot-1-oldorfo.shtml (Accessed 12 Mar. 2024) (In Russ.)

16. Cervantes, Miguel de. *Don-Kikhot Lamanchskii. Sochinenie Miguelia Servantesa Savedry. V dvukh chastiakh* [*Don Quixote of La Mancha. A Book by Miguel Cervantes Saavedra . In Two Parts*]. Trans. from Spanish by V. Karelin. 2nd Edition. St. Petersburg, N.A. Shigin Publ., 1873. Available at: http://az.lib.ru/s/serwantessaawedra_m_d/text_0050-oldorfo.shtml (Accessed 12 Mar. 2024) (In Russ.)

17. Cervantes, Miguel de. *Ostroumno-izobretatel'nyi idalgo Don Kikhot Lamanchskii: v 2 tomakh* [*The Ingenious Gentleman Don Quixote of La Mancha: in 2 vols*]. Trans. from Spanish by M.V. Vatson. St. Petersburg, F.F. Pavlenkov Publ., 1907. Available at: http://az.lib.ru/s/serwantessaawedra_m_d/text_1907_don_quijote-1.shtml (Vol. 1); http://az.lib.ru/s/serwantessaawedra_m_d/text_1907_don_quijote-2.shtml (Vol. 2) (Accessed 12 Mar. 2024) (In Russ.)

18. Cervantes, Miguel de. *Sobranie sochinenii v 5 tomakh* [*Collected Works in 5 vols*], vol. 1: Khitroumnyi idalgo Don Kikhot Lamanchskii. Chast' pervaia [The Ingenious Gentleman Don Quixote of La Mancha. First Part]. Trans. by N.M. Liubimov. Moscow, Pravda Publ., 1961. 600 p. (In Russ.)

19. Stepanian, K.A. *Dostoevskii i Servantes: Dialog v bol'shom vremeni* [*Dostoevsky and Cervantes: A Dialogue through Time*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2013. 363 p. (In Russ.)

20. Cervantès Saavedra, Miguel de. *L'ingénieux hidalgo don Quichotte de la Manche, par Miguel de Cervantès Saavedra, traduit et annoté par Louis Viardot, vignettes de Tony Johannot.* T. 1-2. Paris, J.-J. Dubochet, 1836. Available at: https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb319212337 (Accessed 12 Mar. 2024) (In French)

21. Cervantes, Miguel de. *Don Quijote de la Mancha*. Madrid, Real Academia Española; Asociación de Academias de la Lengua Española, 2004. 1060 p. (In Spanish)

22. Kasatkina, Tatiana. *È Cristo che vive in te. Dostoevskij. L'immagine del mondo e dell'uomo: l'icona e il quadro*. Castel Bolognese, Itaca, 2012. 112 p. (In Italian)

Статья поступила в редакцию: 18.04.2024
Одобрена после рецензирования: 15.05.2024
Принята к публикации: 25.05.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 18 Apr. 2024
Approved after reviewing: 15 May 2024
Accepted for publication: 25 May 2024
Date of publication: 25 June 2024